

Н. БЕЛЬЧИКОВ

ТЕОРИЯ АРХЕОГРАФИИ

«А С А Д Е М И А»

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1929

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Для современного архивиста очевидно, что археография вполне сложилась в самостоятельную отрасль культурной работы и дисциплину научно-прикладного характера. Очевидно и то, что за последние десять лет, с момента архивной реформы 1918 года, археография значительно изменилась; она существенно выросла, изменив во многих отношениях свою практику, пополнив и перестроив свою теорию.

Крутые перемены в организации архивного дела, последовавшие, как результат реформы 1918 года, обусловили эти существенные изменения в основных предпосылках археографической практики и теории.

В археографии, как во всякой дисциплине, следует различать теорию от ее практики. Но, если практика археографической работы более или менее известна и получила некоторое закрепление в печати, то теория современ-

ной археографии еще не построена, основные положения ее еще не формулированы.

В русской историографии нет такого опыта и в прошлом. За археографией не признавалось и не признается до сих пор некоторыми кругами ученых права на самостоятельное существование. В прошлом она должна была сопутствовать археологии¹ или жить как часть библиографии². Нам думается, что теорию археографии в прошлом (до 1917 г.) нельзя было и создать, ибо эту теорию без должной практики нельзя было и осмыслить. Архивная же действительность до недавнего прошлого, как увидим дальше, была именно такова, что единой теории археографии, исходя из нее, нельзя было построить.

В дальнейшем мы попытаемся очертить теорию современной археографии, и прежде всего определить те основы, на которых построение

¹ Не входя в подробное обоснование этой мысли, укажем, что до 1914 г. не было созвано ни одного специального съезда по архивным вопросам. Археографы „ютились“ около археологов и, хотя на некоторых съездах идейное и научное превосходство было на стороне крупных наших историков, все же археография вынуждена была, начиная с 60-х годов, все свои дела обсуждать на археологических съездах. Так было с реформой 60-х годов, поднятой Н. В. Колачевым, так было и позднее с реформой 1911—1914 годов.

² „Почти все наши библиографы, пишет Н. В. Ульяновский (см. „Труды 1-го Всеросс. Библиографического съезда“ М. 1926, стр. 225) в обширную область вопросов, обнимающих библиографию, включают и описание произведений письменности“, т. е. один из основных видов археографической практики,

теории в тесной связи с археографической практикой теперь возможно и вполне своевременно.

2

Поскольку, однако, вопрос о самостоятельном существовании археографии является спорным для известных кругов ученых нашего времени, нам придется остановиться на рассмотрении этого вопроса и определить как представляют и оценивают нашу дисциплину противники ее самостоятельности.

Долгое время археографию „опекала“ библиография, рассматривая ее, как свою составную часть. Среди библиографов и до сего времени держится убеждение, что археография есть часть библиографии¹. Убеждение стало „предубеждением“, традицией, поскольку от него стало трудно оторваться библиографу, чтобы проверить, насколько оно соответствует действительности. Археография давно уже выделилась и определилась, как дисциплина, имеющая свой объект свои приемы работы и по своему проводящая в практику научный метод, а библиографы все еще не замечают этого и пытаются „суммарно“ мыслить библиографию, как сложную дисциплину,

¹ Вопрос о соотношении в смысле приемов работы, различия объекта и характера операций библиографии и археографии в исторической перспективе, в период слитного, а затем—раздельного существования этих отраслей освещен нами в другой работе („Археография и библиография в XV—XX в.в.“), часть которой в виде доклада была сообщена в заседании Моск. Библиографического Общества при 1 МГУ 13 февраля 1928 г.

в недрах которой пребывает и археография и музееведение. В доказательство сошлемся на мнение Н. В. Русинова, ученого библиографа, причастного не в меньшей степени и к археографии. В своей книге „Десятичная классификация документов“ (М. 1925 г.) Н. В. Русинов причисляет к „документным организмам“, кроме архивов, еще библиотеки и музеи (см. стр. 12, 18, 20).

Синтетическая точка зрения Н. В. Русинова на документ, книгу и музейный экспонат по праву вызывает возражения со стороны археографов¹ и даже в среде библиографов. „Может показаться странным—говорит библиограф Н. В. Здобнов,—что мы (т. е. библиографы—Н. В.) относим к библиографии только описание произведений печати, оставляя в стороне описание рукописных материалов, что противоречит ходячему пониманию библиографии“².—Автор этот отказывается от „ходячей“ точки зрения, он согласен археографию выделить, но для него она пока еще сомнительная, не оформившаяся дисциплина. „Библиография все больше и больше углубляется в область разыскания, описания и систематизации произведений печати, а в области разыскания, описания и систематизации

¹ Разумею скептические замечания И. А. Голубцова в рецензии на книгу Н. В. Русинова—в ж. „Архивное Дело“ 1926, вып. 7, стр. 152. Со стороны археографов пока ничего больше не сделано. И. А. Голубцов в пределах рецензии должен был лишь вскользь отметить эту „устаревшую“ мысль, энергично, однако, проводимую Н. В. Русиновым.

² „Основы краевой библиографии“, Ленинград. 1925, стр. 9.

рукописей создается новая научная дисциплина—археография. Быть может, эта последняя еще не достаточно окрепла, как научная дисциплина, но во всяком случае за ней большое будущее¹.

Для специалиста-библиографа, вступившего уже на путь переоценки традиционного взгляда на соотношение библиографии и археографии, все же многое не ясно в судьбе и положении археографии. Тем более все это может быть неясным для более широких кругов ученых исследователей, знающих из области археографии лишь ограниченную сторону ее—именно описательную деятельность археографии, поскольку ученому достаточно знать описания архивных фондов, как справочник, как ориентирующий аппарат, и нет нужды быть в курсе всех сторон работы археографа. Вот почему на современном архивисте лежит обязанность обрисовать современное положение археографии и тем разрушить неправильное понимание ее некоторыми кругами ученых, работающих в близкой архивисту области.

3

Начнем свое изложение с определения понятия, что такое археография?

До сих пор архивисты не установили его и в печатной литературе ведутся толки о нем без системы и случайно. Так, Н. В. Здобнов оспаривает „обычное“ понимание археографии, как

¹ Там же, стр. 10.

практики „издания источников“ и осторожно предлагает „содержание этого понятия расширить“, не указывая как ¹. Чтобы точнее установить современный смысл этого понятия, надо исходить из представления о всей современной существующей архивной действительности; посмотреть, какие области совместно живут в ней и какую сторону этой действительности естественнее всего называть археографией.

Всю совокупность архивной действительности называем архивным делом (общее понятие).

Под архивным делом современная действительность дает право разуметь всю сложную область организационно-правовых отношений архивного строительства в данный исторический момент, характеризующийся централизацией архивного строительства и единством научно-археографической программы. Понятие это конкретно распадается на архивную политику ведомства, общеорганизационные, ² научно-организационные вопросы ³, архивное законо-

¹ Там же, стр. 10.

² Общеорганизационными вопросами считаем: организацию архивохранилищ, учет и концентрацию ЕГАФ, систему управления архивными учреждениями, инструктаж, связь и взаимоотношения с ведомственными архивами и т. п.

³ Область научно-организационных вопросов составит вся совокупность научно-технического руководства деятельностью архивохранилищ Централхива, местных губбюро, ведомственных архивов. Конкретно это будут вопросы правильной организации и постановки приема, инвентаризации, разборки, систематизации; описания

дательство, на организацию при хранилищах архивных выставок, архивных музеев, архивных курсов и т. п., личный состав, ЕГАФ и текущую работу над архивными фондами.

Итак, в общем понятии „архивное дело“ мы мыслим всю организационную, правовую, инструктивную и управленческую работу, связанную с архивно-производственной практикой и средствами ее осуществления (архивохранилищами, фондами, личным составом и т. д.). В это же общее понятие мы включаем и архивно-производственную работу, связанную непосредственно с документом и его обработкой в пределах хранилища, которую мы полагаем естественнее всего называть термином археография. Как живая, текущая, оперативная работа над фондами археография является научно-организованной деятельностью по разборке, систематизации и описанию (всякого вида) архивных материалов. Схематически современную архивную действительность (архивное дело) можно изобразить так (см. стр. 12).

Все эти стороны архивного дела живут взаимно, влияют друг на друга, оказывают влияние и на ту область, которая является предметом нашего рассмотрения—т. е. археографию (ее практику и теорию).

Отметим, что в этой схеме мы не представили всей совокупности архивной действительности; не названы здесь нами, напр., архивно-

и размещения архивных материалов, оборудования хранилищ по условиям современной техники, топографирования, хранения документов и т. п.

действительности нашего времени и научным мировоззрением нашей эпохи.

4

Вернемся несколько в историю. Вопросами терминологии в нашей области занимался лет двадцать пять назад известный архивный деятель и археолог Д. Я. Самоквасов. Для сопоставления посмотрим, какие термины интересовали в свое время Д. Я. Самоквасова и как он их истолковал.

В книге „Архивное дело в России“. (ч. 1-я М. 1902 г.) Д. Я. Самоквасов дал определения терминов — дипломатики, архивоведения, архивоведения и смежных с ними — палеографии, археологии и др. Термина „археография“ у Самоквасова нет. Но у него нет определений и других, которые существовали тогда, и продолжают жить сейчас: архивное дело, архивный материал, фонд и т. п.

Как определены термины (архивоведение и архивоведение) в работе Самоквасова?

Архивоведение Самоквасов определил, „как науку, имеющую своею специальною задачей изучение истории архивов, архивного законодательства и истории и деятельности учреждений, оставивших акты и документы своего делопроизводства, составляющие содержание ныне существующих государственных и общественных архивов“, и архивоведение „как науку, дающую практические сведения, необходимые для рациональной постановки архивной службы по хранению в порядке и целости, клас-

сификации, описанию и изданию подлинных архивных документов и уничтожению ненужных архивных бумаг“ (стр. 34).

Каким современным терминам соответствуют эти два термина?

Архивоведение близко нашему пониманию археографии, хотя, как увидим дальше, оно требует дополнений. Архивоведение у Самоквасова является очень сложным термином; обнимает ряд вопросов, требующих в настоящее время специального рассмотрения. В настоящее время наметилась определенная тенденция изучение истории и деятельности учреждений, оставивших фонды, совсем исключить из задач архивоведного порядка и считать это задачей научного исследования. Современную археографию интересует изучение истории фонда учреждения, а не истории учреждения, создавшего фонд. История учреждения есть объект исторического, а не археографического исследования. Разумеется, эти две истории тесно связаны. Фонд, материал отражает историю своего учреждения, отложившего в результате своей деятельности фонд. Но поскольку мы заняты разграничением специальных задач археографии от задач исторической науки, занятой изучением закономерности исторического процесса в целом, движущих его сил и форм проявления их, в том числе и учреждений,—мы условно отделяем археографию, эту вспомогательную дисциплину по отношению к исторической науке (о чем см. далее—на стр. 68—71), от самой науки. Поэтому не будем упускать из внимания и в дальнейшем отличий

в направлении работ ученого исследователя и археографа, не забывая нисколько того, что изучение истории фонда имеет служебное, подспорное значение при исследовании истории и деятельности учреждения, оставившего фонд¹.

Затем, современное понимание терминов история архивов (архив здесь понимается в смысле архивохранилища) и архивное законодательство не позволяют так свободно их сближать, как делает Д. Я. Самоквасов. Правда, оба эти понятия входят в состав более общего понятия — „архивное дело“, но они — стороны этой действительности. Почему же Д. Я. Самоквасовым они включались в архивоведение, а не в общее понятие архивного дела?

Любопытно заметить, что Д. Я. Самоквасов постоянно употребляет термин „архивное дело“, называет им свои книги и все же определения ему не дал. В чем же дело? Единства в „архивном деле“ во времена Д. Я. Самоквасова не было, и Д. Я. Самоквасов не мог создать фикцию, не мог дать определения несуществовавшему явлению.

История архивохранилищ таким образом входит в общее понятие „архивное дело“, на ряду с архивным законодательством и другими сторонами жизни и деятельности архивного аппарата настоящего времени. Нам думается, в это же сложное понятие должны войти и исторический обзор организаций архивного дела в прош-

¹ См. подробнее об этом в нашей работе „Приемы изучения частных фондов“ в ж. „Архивное дело“, 1928, вып. 1(14), стр. 24—38 и отд. оттиск.

лом (арх. комиссии и их история) и история архивных реформ в прошлом.

В состав современной археографии надо включить и то, что назвал дипломатикой Д. Я. Самоквасов, т. е. изучение документа и его свойств, изучение внешнего выражения документальных памятников.

Архивное дело, как более общий термин, покрывает ряд частных областей живой работы, а не только исторического прошлого, как думал Самоквасов. Не согласны мы с Самоквасовым в присвоении всем видам архивной действительности звания „науки“. Есть в архивной действительности, правда, вполне научные отрасли работы, но есть в ней и стороны исключительно актуального, организационного свойства, которые от превращения в „науку“ нимало не выиграют, а скорее утратят свое значение.

Таким образом, мы устраняем понимание этих терминов, данное Д. Я. Самоквасовым и грешившее, на наш взгляд, некоторой схоластичностью и недифференцированностью представления об архивной жизни. Обе эти черты станут понятны, поскольку мы припомним, что во времена Д. Я. Самоквасова „живого“ архивного дела не было; этот реформатор архивного дела пытался вырвать его из ведомственных пут, мешавших организации этого дела и губивших массу архивных материалов; он выступал с проектами централизации архивного дела,¹ но все

¹ См. напр. его работу: „Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России“ М. 1902, 48 стр.

же его представление об архивном строительстве, лишенном централизации, носило характер „архивного нестроения“,—и понятия, в которых он сделал попытку охватить и расчленить архивную действительность, отразили те же типичные черты всей архивной действительности. Схоластичность ярко сказалась в том, что архивоведение мыслится им не как организация, построение архивной действительности, не опыт, не практика, а как какой-то фетишизированный знак (наука), как удаленная от современности, от практической жизни, область, но руководящая, однако, архивной практикой (идеологизм). Естественнее, казалось бы, представлять дело архивисту—практику, каким был Д. Я. Самоквасов, наоборот, что теория отражает практику, что практика порождает теорию. Но этого не было. В свете своего мировоззрения (идеологизм) Д. Я. Самоквасов этого не знал, не видел и не понимал и того, что нет никакой самодовлеющей архивной науки. Недифференцированность легко указать в определении архивоведения, где слиты воедино чисто научные проблемы (история учреждений) с архивными и проч.

Если другим покажется, что мы спорим здесь о словах (архивоведение или археография) или если кого устрашает термин археография,—мы охотно уступим в отношении термина. Главное, к чему мы стремимся,—это установить правильное понимание современного состояния архивного дела в целом, распадающегося в живой работе на ряд отдельных, взаимно связанных и существующих сторон. В широкой области современного архивного дела есть сложная область

строительства дела (т. е. общеорганизационные, научно-организационные, юридические и т. п. вопросы управления и организации дела). Всю эту сложную и широкую область строительства, повторяем, можно назвать единым термином: архивное дело. В составе его есть частная, специальная область работы в архивохранилищах по приему, разборке, систематизации и описанию материалов. Эту область мы называем археографией¹. В этой области две стороны: практика работы и ее теория;² практическая работа в виде разборки, систематизации

¹ Термин „Археογραφία“ следует производить от греческого прилагательного „архаϊος“ (ἀρχαῖος), что значит—первоначальный, старинный, древний, бывший в употреблении (см. греч.—русский словарь, изд. Департаментом Нар. Просвещения, М. 1848 г. и словарь, сост. Сем. Ивашковским, М. 1838 г.) греч. глагола γράφο — пишу (описываю).—Смысл термина в приложении к документу ясен: документ—первоисточник; и в то же время археография занята первичными видами работ над документами (т. е. разборкой и описанием) по сравнению с дальнейшим научным его изучением, когда документ, проведенный через экспертизы археографа и ученого, возведен в исторический источник и кладется в основу исторических исследований.

² Подобное разграничение проводится и в других областях. Возьмем сродную область библиографии. И здесь различают практику (называемую „каталогизацией“) и ее теорию (называемую „каталографией“). „Под“ каталогизацией“ разумеется самая работа, совершаемая библиотеками для организации каталога; под „каталографией“ разумеются те нормы, на основании которых должен составляться каталог,—так определяет свою теорию и практику ученый библиограф Б. С. Боднарский.—См. „Труды Первого Всеросс. Библиографического Съезда 2—8 декабря 1924 г.“ М. 1926, стр. 104.

и описания архивных материалов и теоретические, руководящие нормы для названных операций над документом, для всей совокупности работ над последним.

5

Теорию археографии мы не можем мыслить вне практики, вне формы организации архивного дела (с одной стороны) и в отрыве от современных задач науки и вне связи с современным научным мировоззрением (с другой стороны).

Ведь археограф—историк по преимуществу. Стремясь точно проанализировать и охарактеризовать внешние черты документа, археограф не может этого сделать, игнорируя содержание документа. А определить смысл и значение показаний документа он может, руководясь современной научной теорией.

Содержание документа уводит археографа в сторону науки. И археограф должен знать современные задачи науки и ее интерес к той или иной разновидности документов, в зависимости от современного научного мировоззрения. Археограф должен работать всегда в расчете на основные нужды науки. Еще И. Тэн вскрыл это значение источника для науки: „ошибаются те, которые хотят изучать литературный документ, как нечто самостоятельное. Это значит смотреть на вещи, как простой специалист, как составитель каталогов... Мы изучаем литературный документ, только для того, чтобы познать чело-

века“¹. А для этого археограф должен быть в курсе науки своего времени и ее метода.

В своей практике архивист должен быть историком. Чем бы каждый из нас ни занимался—разборкой-ли, описанием-ли дел, главное—установить генезис, движение и смену фактов и отразивших их документов в пределах целого фонда или группы (серии) документов. Это есть „историзм“ науки,—определенный признак научного мышления. Без этого археограф не может произвести систематизацию документов, необходимую ступень перед описанием, не сможет правильно воссоздать фонд, установить его части, т. е. реконструировать фонд в целом,—без чего невозможны систематизация и затем научное описание состава фонда.

Перейдем к конкретному рассмотрению того, как современные организационные формы архивного дела и современное научное мировоззрение повлияли на теорию археографии?

¹ И. Тэн „О методе критики и об истории литературы“. СПб. 1896, стр. 4.

ГЛАВА ВТОРАЯ

6

Прежде всего рассмотрим конкретно, какие же видоизменения внесли в теорию археографии современные формы организации архивного дела?

Начнем с централизации, как главного, организующего архивную действительность принципа. Посмотрим, какова была архивная действительность и археографическая теория в то время, когда централизация архивного дела была „вожделенной мечтой“, идеей, глубоко усвоенной сознанием русских архивистов, но не проведенной в жизнь, выдвинувшей ее и настойчиво требовавшей проведения для устранения коренных недочетов архивной работы. Это было в 1910—1914 г.г.

Готовясь к съезду представителей губернских ученых архивных комиссий, устроенному 6—8 мая 1914 г. Русское Историческое Общество в начале 1911 года разослало анкету губ. уч. арх. комиссиям с рядом вопросов о положении архивного дела на местах. Получив ответы, Общество констатировало, что „архивное нестроение в России велико“. Комиссии, выра-

жая полную готовность работать для упорядочения архивного дела, указывали на срочную необходимость улучшения условий работы. В числе мер (усиление средств, увеличение полномочий и т. п.) архивные комиссии,—гласит сводка ¹ ответов,—„единогласно указывают на необходимость централизации архивного дела“, понимая под этим устройство в губерниях и даже уездных городах „исторических архивов, в которые, по истечении известного числа лет, поступали бы дела, признанные имеющими историческую ценность из всех других архивов данной местности“ (стр. 10).—Непосредственно тут же за этим в сводке ставится вопрос о создании некоторого авторитетного ученого учреждения, которое бы взяло на себя функции объединить комиссии, контролировать их работу и связать работу комиссий с ведомствами: „Может быть, читаем в сводке,—представится полезным, чтобы какое нибудь авторитетное ученое учреждение выступило посредником между Архивными Комиссиями и теми учреждениями, в распоряжении которых находятся отдельные архивы. Во всех важных и сомнительных случаях такое учреждение должно было бы выступать, направляя и развивая деятельность Комиссий, устраняя препятствия на их пути и контролируя их работу. Контроль тем более необходим, что нельзя оставлять Архивные Комиссии в том же материальном

¹ См. „К Съезду представителей губ. уч. арх. комиссий, устраиваемому Русским Историческим обществом 6—8 мая 1914 г.“ СПб. 1914, стр. 9.

положении, в каком они находятся в настоящее время“. „Архивные Комиссии необходимо должны будут иметь ответственных должностных лиц, с которых они могли бы потребовать исполнения известных обязанностей. Далее возникает вопрос об устройстве помещений Архивных Комиссий, которые были бы приспособлены и для архивов. Архивы самих Комиссий, по собственным их отзывам, в большинстве случаев не соответствуют своему назначению; обыкновенно помещение их мало, тесно, часто лишь это временное, случайное помещение; а некоторые Комиссии не имеют совершенно своего помещения, а следовательно и архива. Комиссии, уже собравшие в своих архивах громадное количество дел (Нижегородская до 800.000 дел), не имеют средств для их разбора, переписки и печатания“.

В этих словах ясно очерчены контуры того учреждения, которое с 1918 г. называется Главархивом, а с 1921 г.—Центрархивом. Из этой цитаты видно, насколько подготовлена была реформа 1 июня 1918 года всем ходом архивной жизни прошлого. Архивное дело было не устроено и требовало решительной реорганизации. Дело шло в разброд; царило кустарничество, неопределенность, юридическое бесправие¹.

¹ А. Н. Львов в докладе на XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 году („Русское законодательство об архивах“), анализируя существовавшее законодательство, показал, что „у нас (в 1900—1902 г.г.) не было одного общего архивного кодекса, проводящего в архивном деле определенные принципы, необходимые для определенной правильной постановки этого дела“. Наше архивное законодательство развивалось постепенно, по разным частным случаям и обстоятельствам, и „в этих

Не лучше обстояло и с теорией археографии. В той же сводке указаны жалобы практиков-архивистов на отсутствие „единообразия“ в приемах работы (см. стр. 10). Это было вполне естественно, так как вся существовавшая архивная совокупность была разрознена, разобщена между ведомствами. И первым делом в анкетах 1911—1914 г.г. „поднимается, конечно, вопрос о праве Архивных Комиссий производить осмотры“ ведомственных архивов исторического и действующего характера, „а равно и о тех последствиях, которые должны быть результатом осмотра“ (стр. 10). Без права воздействовать на архивную действительность напрасны будут единообразные системы построения фондов, приведения дел в порядок и т. п. научно-технические нормы. Единообразие норм обеспечивается лишь единством системы управления и организации. Создание единой системы организации и управления архивным делом дало бы в результате единство объединения всего научно-технического аппарата, обеспечивало бы единство норм.

отдельных случаях проводились те или другие начала, более необходимые и соответствующие данному частному случаю, безо всякой заботы о согласовании последующих правил с предыдущими и о том, чтобы они приобретали общий руководственный характер“ (стр. 2/3).

„Наше архивное законодательство (в прошлом, до 1918 г.) не полно, далеко обнимало собою всех сторон архивного дела и даже одни статьи прямо противоречат другим“ (стр. 3). На конкретных примерах показывает А. Н. Львов противоречие архивного законодательства относительно состава архивов, неясность и неопределенность его в вопросе внутренней организации архивов и т. п.

Так, в действительности и стало с момента централизации архивного дела ¹. Мы имеем теперь единые и общие для всех архивохранилищ правила приема, размещения, разборки, систематизации и описания архивных материалов. Не спорим, выработанные и зафиксированные правила 1922 г. ² уже отстали от практики, живой работы они не покрывают уже и их необходимо переработать, учитывая накопившийся опыт и новые разновидности фондов. Но мы берем этот вопрос в плоскости принципиальной, и здесь не может быть двух мнений о том, что мы идем к единообразию неуклонно широким путем. Единство форм описей, приемов

¹ Такое изменение в основном характере археографии и направления ее деятельности в силу централизации не случайность. Подобное изменение в сторону единообразия, единства норм и унификации отраслей работы наблюдается в последние годы и в области библиографии. Изменения в библиографии оказываются также результатом централизации всего библиографического дела. Об этом интересные сведения дают доклады Б. С. Боднарского и Е. Шамурина на 1-м Всероссийском Библиографическом Съезде. (М. 1926 см. стр. 96—103). Оба автора на почве централизации пытаются развернуть единую систему библиографирования книжной продукции, видя в перспективе так построенной работы единство результатов: единый репертуар, единую картотеку, единство методов описания и т. д. Необходимо подчеркнуть здесь, что принцип централизации в современной организации библиографического дела для обоих авторов является несомненным ручательством успеха (см. прения по докладам—в „Трудах Съезда“ на стр. 103—109).

² Разумею „Руководство по приему, размещению и составлению описей архивного материала“ М. 1922, 16 стр.

размещения, разработки и изучения фондов, единство топографических указателей, единство оборудования хранилищ дадут в итоге унификацию построения архивных фондов и архивохранилищ. Вопрос этот совершенно не освещался в нашей литературе. Следует указать здесь единственно на доклад А. С. Николаева: „О составлении и публикации архивных справочников и указателей“, произнесенный им на 1-м Всероссийском Съезде архивных деятелей 14—19 марта 1925 г. Автор его, исходя из принципа централизации, рисует заманчивую и со временем безусловно осуществимую задачу, как „на протяжении всех учреждений СССР центральным аппаратом планомерно заведена работа по выявлению архивных фондов и их частей, по составлению карточек, отображающих эти фонды, и по созданию определенных формуляров, ведущихся по данной единообразной форме, в которых изо дня в день накапливается черновой материал“¹.

Так, принцип централизации из организационного принципа перерастает в принцип научный, формирующий архивно-техническую работу, и становится в сфере археографии принципом теоретическим, не покидая своего основного значения, как организующего архивное дело начала.

Заметим, принцип этот в данный момент интегрален, он имеет различные приложения. Его роль в архивной реформе колоссальна. Как

¹ См. „Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР“. Под ред. Н. Ф. Бельчикова и В. В. Макасова. Изд. Центрархива. Москва. 1926, стр. 270.

организационный принцип, он перестроил всю архивную действительность. Он охватывает всю систему архивных учреждений. Тот же принцип положен в основу современного архивного законодательства. Им руководится ученый архивист. Им орудует и архивный публицист в споре со сторонниками „ведомственных тенденций“ в построении архивного дела.

7

В пределах данного очерка нас не могут интересовать все преломления этого сложного принципа в сфере практической, организационной. Мы проследим лишь то, как отражается централизация на теоретической стороне археографии, на системе археографии. Но и здесь приходится ограничиться теми сторонами, какие представляют характер новизны в слагающейся археографической системе. Выдвигая эти пункты, мы достигаем скорее в то же время и своей цели—точнее обрисовать типичные черты современной археографии.

Начнем с объекта. Объект археографии составляют архивные организмы—архивы государственных, общественных учреждений, кооперативных, фабрично-заводских предприятий и т. п. Централизация должна охватить всю совокупность архивных материалов независимо от их различия по времени, характеру, научному и прикладному значению. Все разновидности архивных организмов должны стать объектом археографического изучения. Наравне с фондами государственных учреждений, сюда должны

войти и входят частные архивы (усадебные, вотчинные, семейно-бытовые, архивы редакций журналов и газет, литературных кружков, литературных издательств и т. п.).

Состав частных фондов сложен. Среди разновидностей материалов, отлагавшихся в частных фондах в прошлом столетии, одна группа, — именно историко-литературный документ — до последнего времени оставался вне поля зрения археографа. В курсах архивоведения и дипломатики А. П. Воронова¹, Н. П. Лихачева² А. С. Лаппо-Данилевского и др. „повествовательные памятники“, т.-е. историко-литературные документы, не рассматривались. Они исключались из обзора, ибо эти памятники (т.-е. вся историко-литературная документация) считались объектом музейной практики. Историко-литературный документ изгонялся из архива, его место — музей и его назначение — показательная, выставочная, украшающая роль. При такой постановке вопроса историко-литературный документ много проигрывал и сам по себе, проигрывала много и наука. История литературы не могла требовать от музея при его специальных заданиях удовлетворения во всем масштабе интересов историко-литературной науки, т.-е. чтобы музей систематически

¹ А. П. Воронов говорит: „рукописи литературного характера, как-то летописи, записки, письма и т. п. должны храниться не в архиве, а в библиотеке“. — „Архивоведение“, СПб. 1904, стр. 1.

² Последний писал: „Дипломатика не касается палеографии памятников повествовательных, литературных и т. д., занимаясь историческими источниками документального характера“. — „Дипломатика“ СПб. 1901, стр. 9.

собирал частные архивы, хранил их в полном составе и тем подвергал себя ограничению не искать среди частной документации объектов своего дела, т.-е. показательных памятников, а целиком работал на потребу исследователя. Современная археография, по смыслу централизации, включила историко-литературный документ в состав документального сырья. Историко-литературный документ есть разновидность архивного документального материала вообще.

Введение в состав археографических явлений историко-литературного документа, как частного вида, расширило и пополнило понятие объекта археографии. Если раньше в понятии архивного материала мыслили лишь делопроизводства, архивы учреждений в прямом смысле слова, то теперь под документом понимают не только делопроизводственные акты деятельности учреждений, но и документы частного происхождения, акты художественного творчества, эпистолярного письма, мемуарного жанра и т. д. Следует отметить, что юридическое закрепление частных фондов в составе ЕГАФ, несколько отставая от практики, в данное время оформлено в достаточной степени.

8

Централизация должна охватить всю совокупность архивных материалов независимо от различий их по времени, характеру, научному и практическому значению. Весь ЕГАФ должен быть охвачен, учтен и охранен. Централизация для своего осуществления фактически требует

концентрации ЕГАФ. Таков логический и реальный ход вещей ¹, ибо в понятии „централизация“ мыслится в известной степени и концентрация. На практике концентрация ЕГАФ встречает и должна встретить в виду необъятности материалов колоссальные, непреодолимые затруднения внешнего, локального свойства. История архивного дела в прошлом знает одну попытку Наполеона создать единое хранилище для архивных материалов не только Франции, но и других государств,—попытку не удавшуюся.

Концентрация нашего ЕГАФ потребует таких усилий, для накопления которых необходимо и значительное время и значительные средства.

Овладеть же всей массой отложившегося после революции документального сырья—необходимо и незамедлительно. Практика предложила выход, вполне естественный и законный—овладеть ЕГАФ не путем помещения в хранилища, а путем учета ². Вопрос об учете ЕГАФ встал с первых же дней централизации. Прежде чем централизовать, надо предварительно знать совокупность фондов. Так, из практики вырос вопрос о создании единой картотеки фондов,

¹ „Концентрация для известной, может быть, подавляющей части архивных материалов является неизбежным следствием централизации“, гов. Б. И. А н ф и л о в. См. Труды 1-го съезда архивных деятелей. 1926. стр. 251.

² Эта задача встала перед Главархивом вслед за проведением в жизнь централизации ЕГАФ. В ответ на назревшую задачу был выработан Справочно-Статистическим Отделом опросный лист для учета фондов; рассылался Главархивом в 1918—20 г.г. Напечатан в Сб. декретов, циркуляров 1921 г., первоначально в ж. „Истор. Архив“ 1919, т. I.

организуемой Центрархивом с момента циркуляра „О центральной картотеке фондов“ 7 марта 1922 года ¹.

Практическая ценность картотеки, как подспорья в текущей работе Центрархива по удовлетворению справок всякого рода, очевидна. Об этом мы не будем здесь говорить. Уясним научную ценность единой картотеки.

Возьмем пример. К 100-летнему юбилею Ленинградского Университета специальная комиссия по устройству юбилея решила выпустить сборник материалов, освещающих историю университета ². Комиссия, естественно, обратилась за материалами в архив самого Университета и, на основании материалов университетского архива, составила сборник по историй Университета и составляющих его учреждений. На поверку оказалось, что ценнейшие материалы по истории Университета сохранились в ряде других архивов и прежде всего в архиве б. мин. нар. просвещения. Больше того, материалы не из архива Университета полнее освещают первый период университетской истории с 8 февраля 1819 г. до издания устава 25 июля 1835 года, чем прямые документы из университетского архива. Разумеется, если бы была единая картотека архивных дел, если бы наука

¹ См. „Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу“ Л. 1925, стр. 14—18.

² В 1915 г. издан первый том „Материалов по истории С.-Петербургского Университета“ (1819—1835 г.г.). Под редакц. проф. С. В. Рождественского собраны и издали И. Л. Маяковский и А. С. Николаев. Петроград. 1915.

имела полный репертуар материалов, то комиссия, получив справку о необходимых для нее материалах, не миновала бы тех фондов, где сверх ожидания сберегаются наиболее ценные документы.

Историки литературы давно осознали всю полезность подобных сводок, указателей всей наличности рукописей литературных произведений, и давно уже проделали ряд опытов по созданию таких репертуаров—указателей. Назовем работы А. Н. Пыпина, акад. В. Н. Перетца, акад. Н. К. Никольского и др. Всем известно, какую ценность имеет „Библиографический список рукописных романов“, составленный А. Н. Пыпиным „для любителей книжной старины“ (сб. О-ва Люб. Росс. Слов. на 1891 г. М. 1891. стр. 230—275).

Рукописные источники, необходимые для историка (напр. списки „Русской Правды“, летописи и т. п.) или для историка литературы (рукописи Пушкина, Гоголя, Толстого и др.)—распылены, рассеяны по разным хранилищам разных городов. Удобство пользования и желание облегчить подспорную работу по разысканию необходимого текста побуждают всех обратить внимание на создание исчерпывающего списка всех источников, вовлекаемых в орбиту научного исследования. Как следует выполнить эту большую работу, как надо организовать ее—мы этого не касаемся здесь. Мы ставим лишь на очередь этот вопрос. Разрешить его должна современная наука при помощи археографии. Историки наши мало пока проявили инициативы в этом направлении. Лишь в самое послед-

нее время поднят вопрос о составлении полного перечня изданных русских актов Н. П. Лихачевым¹.

Вопрос об организации картотеки ЕГАФ, как полного учета совокупности всех архивных материалов официального и частного происхождения, вполне своевременен и подсказан не только формой современной организации архивного дела, но и соображениями научного порядка.

Он необходим в целях практических и научных. Центрархиву необходимо знать объект своего ведения. Целый ряд государственных учреждений, желая использовать в текущей своей работе те или иные архивные материалы, обращается в Центрархив. Громадное количество частных лиц обращается за получением справок личного, служебного значения. Достаточно указать на то, что в течение января—июня 1926 г. в Центрархив поступило 8.040 заявлений с просьбой о выдаче справок по тем или иным фондам.

Все эти условия настойчиво толкают Центрархив на путь создания такого учетно-справочного аппарата в виде картотеки, чтобы скоро и точно получать сведения о наличии всех существующих фондов, и в первую очередь находящихся в ведении Центрархива, а затем—вне его,—о местонахождении, состоянии фондов и

¹ См. его статью „К вопросу о составлении перечня изданных русских актов“ в ж. „Архивное Дело“, 1923. вып. I, 26—43 и отд. 2-е издание с дополнениями П. 1923, стр. 32.

в лучшем случае о составе материалов, входящих в учтенный фонд. Такая картотека должна учесть и все погибшие, исчезнувшие фонды, и наконец, такие, которые пока блуждают, но должны „проявиться“.

Спорен вопрос, какой принцип следует положить в основу учета фондов единой картотекой. Возможно ограничиться формальной статистикой, внешним учетом фондов; т.-е. возможно ограничиться простой фиксацией внешних сведений о фонде (место его, дата, внешний вид). Но тогда картотека не сможет дать сведений о составе фонда, о входящих в него материалах со стороны их значения и их содержательности. Несомненно, более целесообразным будет такое построение картотеки, чтобы картотека располагала данными о составе фонда и его внутреннем содержании.

Таким образом, вопрос о форме карточки на фонд, вопрос о задачах картотеки и направлении ее работ—вопрос не случайный, а принципиально-важный в научном, а тем самым и в организационном отношении.

С точки зрения интересов науки и пользы для нее от такого огромного сооружения, как картотека—осуществление которой будет длительным, дорогим делом,—следует всецело поддерживать мысль, что в основу картотеки необходимо класть не внешний учет фондов, а сведения о составе фонда, получаемые после детального ознакомления с содержанием материалов учитываемых фондов. Детальное изучение состава фонда обнаружит, какие материалы составляют в своей совокупности наличный, взя-

тый на карточку фонд. Словом, не статистика, не формальный момент, а конкретное содержание, состав фонда должен быть в основе учета фондов для единой картотеки.

Таково требование науки по отношению к организации единой архивной картотеки. Оно совпадает целиком с практическими требованиями, предъявляемыми архивным ведомством к археографии.

Современная археография ни мало не может отказаться от своей прямой задачи—быть вспомогательной для науки отраслью и должна будет прислушаться и пойти вслед требованиям современной научной мысли.

Но археографическая теория тесно сплетается и с современной организацией архивного дела. Видоизменение архивной действительности незамедлительно отражается на системе археографии.

Назревшая в архивной практике потребность в единообразном понимании специальных терминов, которыми насыщен наш архивный обиходный язык, заставила современных архивистов взяться за выработку единой терминологии, и тем уточнить, упорядочить деловой язык архивного работника,—словом привести его к единообразию.

В прошлом возможно было работать без установления единообразия в истолковании рабочих терминов архивной практики. Не то стало с момента централизации, когда в центральное управление стали поступать отовсюду и отчеты и запросы, где одним и тем же терминам придавался самый разнообразный смысл, и когда

само управление должно было издавать инструкции, циркуляры и разъяснения, обязательные для всех, и регулирующие всю работу архивных органов всей территории республики, при уверенности в том, что места и хранилища одинаково поймут смысл распоряжений и одинаково повсюду истолкуют термины. Но этого убеждения не было; надо было его достигнуть, так как не только инструктирование, но и отчетность и статистика возможны только при единстве „архивного“ языка. Так, практика, живая работа заставила археографическую мысль обратить серьезное внимание на единство языка (терминов) и попытаться уточнить и выработать единую терминологию.

9

Далее, современная археография должна была приспособить свою практику к работе новых архивохранилищ. Она должна была выработать правила и приемы для обработки фондов, поступивших в архивохранилища с момента революции. Надо было предусмотреть особенности новых разновидностей документации: историко-революционный документ, историко-литературный документ, досье министерства ин. дел, особенности документации фондов XX столетия.

Разумеется, принципиально иного подхода к таким материалам современный археограф не может допустить; те же задачи обработки, направленные к уяснению содержания, формы, наслоений и перемен в жизни фонда или отдель-

ного документа, преследуются и здесь. Тем не менее отличия в работе над официальным документом и частной перепиской неизбежны.

Отличия эти диктуются содержанием, характером документа и его временными признаками. Древность употребляла одни формы бумаг, применяла одни способы технической обработки фонда и хранения бумаг; древняя рукопись требует для своего распознавания чаще научных изысканий, более углубленного и пристального внимания. Современность и девятнадцатый век создали иные, более удобные для себя формы бумаг и системы построения фондов и т. д. Все эти отличия древних материалов и новых документов археография учитывает,—она приспособляет методику обработки к ним, приспосабливается к тому и живой тип архивиста. Но все же принципиально разных подходов к древней рукописи и свитку, с одной стороны, к рапорту генерала русско-японской войны или дневнику фрейлины, напуганной революцией пятого года—с другой—из указанных особенностей не вытекает. Учитывая своеобразие материалов нового времени мы не можем оставить без внимания и выбросить все то, что из накопленного опыта работы над материалами XVII—XVIII в., может быть с успехом применено и введено в практику работы над документами нового времени.

Так, перестраивается методика работы современного архивиста. Мы коснулись этой стороны дела в общих чертах. Наметили лишь в основном то направление, по которому неизбежно движется мысль современного археографа—теоретика и методиста. К сожалению подобного руко-

водства работы над фондами в новых хранилищах не создано. Основное назначение такого руководства, его методическая постановка осознаны, практика в своем ежедневном опыте указывает пути его осуществления. Археограф должен выполнить, — слишком назрела такая потребность.

Наконец, централизация, создавшая особого рода практические потребности, и повышенные научные требования нашего времени продиктовали археографии необходимость выработать новые, более отвечающие современным требованиям, виды описаний материалов. В ответ на это современная археография в своей практике дополнила существующие виды описаний двумя разновидностями: „характеристикой“ и „обзором“ фондов.

Наиболее распространенной в прежней практике была инвентарная опись, затем по мере возможности — научное описание. Централизация отбросила в архивохранилища огромные пласты материалов, громадное количество фондов. Пропустить все фонды через описательный аппарат — можно, затратив невероятное количество времени и сил. А этого нет у государства.

Жизнь требует справок по этим фондам. Для текущей научной и практической работы надо знать хотя бы в общих чертах, что таят в себе эти „неописанные“ и „неразобранные“ фонды, до которых очередь описания в плане работ дойдет не скоро. В ответ на этот заказ археографическая мысль и выдвинула как наиболее пригодные для обслуживания исторического исследования и личной справки типы архивно-

описательной работы—архивный обзор и характеристику ¹.

Если в недавнем прошлом можно было усмотреть сдержанное отношение к этим видам описательной работы, то в данное время эти виды описательных работ получают признание. „Мы должны перейти от описания материала, заявляет В. В. Максakov, к составлению обзоров фондов, которые находятся в нашем распоряжении. Это даст значительную экономию в нашей работе. Общие директивы, которые нами давались на места, где работа по первичной концентрации материалов закончена или приближается к концу,—предусматривают необходимость составления обзоров фондов, что даст нам возможность обойтись меньшим количеством сотрудников,—правда, более квалифицированных,—кроме того, при составлении таких обзоров можно будет сразу наметить те части фондов, которые совершенно не подлежат хранению“ ².

Архивные обзоры, вызванные к жизни современной формой архивной действительности, в свою очередь помогают рациональному построению той же самой действительности. Здесь перед нами наиболее яркое проявление основ-

¹ Задачи методики и техники составления архивных обзоров раскрыты в содержательной статье С. Н. Валка в ж. „Архивное Дело“, 1923, I, 54—62. О характеристиках специальной работы в литературе нет.

² Это высказано, как программный пункт работ архивных учреждений на ближайшее время в докладе на 2-й конференции архивных деятелей РСФСР 11—15 января 1927 г.: „Деятельность Центрархива РСФСР и очередные задачи архивного строительства“.—„Архивное Дело“, 1927, вып. X, стр. 30.

ного закона—как практика порождает теорию, а теория, осмысляя опыт, совершенствуется сама.

Но архивный опыт и архивная теория (археология) не могут замыкаться в себе,—они подсобны науке, они для науки. Поэтому то вполне понятно будет и то, что архивные обзоры как нельзя более отвечают и современным повышенным запросам исследователя, желающего иметь в руках пособие—путеводитель по архивным материалам, вполне надежный и вполне проверенный настолько, чтобы не вводить в заблуждение и в напрасную трату времени ученого исследователя. Что это так, что архивные обзоры ответят вполне и на этот научный запрос, достаточно сослаться на слова С. Н. Валка: „Среди архивных работ, которые ложатся на современного архивиста, есть две довольно отчетливо установившиеся, как по своим целям и научным и практическим, так и по своим приемам и методическим и техническим: разумею „описи“ и „научные описания“. Однако-же, при прямой задаче архива—обслуживать историческое исследование, именно эти, только что отмеченные, обычные у нас, работы не в полной мере выполняют такую служебную функцию. Не трудно это заметить в отношении описи. Тот из элементов ее, который больше всего дает историку для суждения о содержании дела—это его заглавие. Но он то именно слишком недостаточен (далее указываются примеры ошибочных, неточных заглавий). При пользовании одною описью (т.-е. руководясь скудными заголовками) дело (полезное для исследователя) должно совсем уйти от внимания даже весьма

добросовестного исследователя. Не только не по силам просмотреть всю массу подобных дел, но подчас оно и мало плодотворно, при слабой надежде, что для иной темы материалом послужит либо малый процент этих дел, либо даже единица из них...

Дать описание своих фондов для большого архива—работа не одного и не двух десятков лет. Однако, историку, задумывающему тот или иной труд, не ждать же, да и ведь не дожидаться момента такого облегчения своих архивных разысканий.

Думается, что „архивные обзоры“ смогут преодолеть в некоторой мере только что установленные дефекты“¹.

На этом мы и закончим наши наблюдения. В основном ясно, что археографическая теория тесно сплетается с современной организацией архивного дела. Видоизменения архивной действительности не замедлили отразиться на системе археографии и определить ее типичные черты.

¹ См. назв. статью С. Н. Валка. „Архивное Дело“, 1923, вып. 1, стр. 54—55.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

10

До сих пор мы говорили о тех изменениях, какие пережила археография в связи с реформой 1918 года и новой формой организации архивного дела (централизация). Мы шли в изучении явлений от практики к теории. Таков реальный путь, такова естественная динамика изучаемого процесса.

Но современная археография, являясь подсобной для науки дисциплиной, протерпевает влияния, идущие от современной научной системы и современных требований и задач научных изучений прошлого. Это положение современной археографией глубоко и прочно усвоено. Сошлемся в подтверждение наших слов на такое заявление центрального архивного органа: „Архивисты, конечно, должны обслужить ведомства справкой из архива, не в праве также отказать исследователю в предоставлении ему тех или других документов для целей научного исследования. Но задача архивиста гораздо шире и глубже. Ни одно крупное событие в стране в области хозяйственного строитель-

ства или культурных начинаний не должно ускользнуть от внимания архивистов. На их обязанности лежит предоставление государству всех необходимых материалов для изучения опыта прошлого. Нельзя строить, творить новую жизнь без привлечения накопленного опыта прошлого¹.

Здесь нас интересует не столько вопрос о тесной связи архивных учреждений с хозяйственным и культурным строительством страны,— что является несомненным фактом,— сколько— вопрос о связи археографии с наукой и вопрос о тех воздействиях, которые идут от науки к подсобной дисциплине. Эти возбуждения идут по двум линиям проблем и метода.

Прежде всего археография должна прислушиваться (и прислушивается) к современным научным требованиям, следить за теми вопросами и проблемами, которые поставлены на очередь с целью разрешения наукой. Археография так и поступает. Ни одного исторического юбилея современная археография не пропустила, чтобы не подготовить, собрать, описать и не определить научную ценность материалов. 1905 год, декабристы, десятилетие Октябрьской Революции—отмечены целыми сериями документальных изданий всякого рода.

Но археография откликается на современность и с другой стороны. В научной современности встают проблемы актуального (а не только юбилейного) характера. И отгораживаться от них археография также не может, ее прямая

¹ См. „Арх. Дело“, 1927, вып. XIII, стр. 3.

задача выявить и подготовить материалы, помогающие осветить такие проблемы. „Нельзя держать людей науки около бумаг, которые могут через 30 лет заинтересовать исследователя, говорит М. Н. Покровский. Нужно устремить все внимание на документы, которые представляют ударный интерес в смысле ценности для настоящего момента. Необходимо проявить особую энергию к собиранию документов, которые являются документами истории революции“¹.

Это в области истории, также в области истории революционного движения и еще больше в области истории русской литературы. В последней особенно много сделано публикаций,—но в последней и особенно круто изменились научные интересы исследователей, выросли совершенно новые запросы и проблемы, требующие для своего разрешения нового документального сырья, новых достоверных источников.

Внимание многих историков русской литературы сейчас устремлено на изучение социальной среды и быта писателей. И изучению социального бытия и социального окружения писателя археография и приходит на помощь, поскольку она сберегла хозяйственные архивы писателей-помещиков: Пушкина (архив имения Болдина), Зин. Волконской, И. С. Тургенева и многих других.

Современное литературоведение очередной задачей поставило изучение генезиса произведений в социальном и художественном отношении. Археография учла этот интерес и выяв-

¹ См. „Арх. Дело“, 1928, вып. III, стр. 16.

ляет в расчете на эту потребность науки всякого рода черновые материалы к романам (замыслы, отброшенные автором куски текстов, черновые редакции, записные книжки и т. п.). Укажем также, что с первых же дней Революции археографы предприняли тщательные поиски в недрах цензурных, жандармских и др. архивов задержанных, погребенных там произведений (целых художественных шедевров или частей их). Известно, как много обнаружено таких текстов, и как значительно пополнились собрания сочинений наших писателей новыми страницами, а иные—целыми произведениями. Понятно, как много приобрела вместе с тем наука и общественность.

11

Но археограф должен быть на уровне взглядов современной науки. Правда, его задача уже задачи ученого. Археограф, ведь, только вводит факты (документальные показания) в оборот науки. И дело ученого исследователя определять значение и место факта в цепи исторической, социальной закономерности явлений, и объяснять эту закономерность. Но, несомненно, чтобы правильно оценить документ, археограф должен быть в курсе науки и владеть современным научным методом. Все это археографу нужно не только для оценки документа, годного к публикации, но и в повседневной работе. Могут возразить, как возможно, что научный метод может пригодиться архивисту, когда он описывает фонд, какой метод нужен археографу, когда он

вырабатывает правила описания и т. д? Ведь для этой работы достаточно обычной логики и т. д? Зачем надо быть ученым, чтобы датировать документ и т. д? В следующей главе мы покажем, как важно владеть научным методом археографа, когда он ведет разборку и описание фондов; а сейчас сошлемся на авторитетные слова недавно умершего ученого и палеографа проф. В. Н. Щепкина, который в итоге своих многолетних работ в качестве палеографа, рядом примеров показал, как палеограф, ставящий себе задачей работу над внешностью документа, „широко пользуется помощью остальных отраслей историко-филологических знаний. Он старается факты истории, литературы, искусства привести в самую строгую классификацию, чтобы получить ответ на основные вопросы палеографии“¹. Все это приложимо и к работе археографа. Для современного архивиста необходимо не только владеть суммой знаний современной науки, быть в курсе итогов и результатов научных достижений, ему столь же необходимо знать тот метод—мировоззрение, которым строится современная наука, и уметь им владеть.

Отсюда становится понятным глубокое убеждение современных археографов в научности своей работы, убеждение в том, что ценность и плодотворность результатов работы археографа могут быть обеспечены вполне лишь при условии строго согласования этой работы с требованиями современной науки. Если научный метод всюду

¹ См. его работу „Учебник русской палеографии“, Изд. М. 1918, стр. 12.

проникает в работу археографа, его труды, бесспорно, войдут в научный оборот. Его разыскания—леса, возводимые около строящегося здания современной науки. Никто не строит лесов ни ниже, ни выше здания, а в уровень с ним. Поэтому естественным надо считать лишь то взаимоотношение науки и археографии, когда приемы работы археографии, являющейся научно-вспомогательной дисциплиной, тесно сливаются с методологией науки, согласуются с ней, подчинены последней.

Современному археографу нет никакой нужды создавать себе особую теорию понимания исторического процесса; не его это задача. Задача археографа проще: взять выработанную специальной дисциплиной социологическую теорию исторического процесса и изучаемые явления умело объяснить, пользуясь методом современной теории социологии, каковой является теория исторического материализма.

Современному археографу не следует создавать особого метода для уяснения исторических документов,—ему следует усвоить метод современного научного мировоззрения.

Археографы — эмпирики по преимуществу. Архивная работа—эмпирическая работа и в ней больше, чем где-либо позитивных элементов. Археографы очень любят факты, и готовы порой пренебречь теорией. Архивного специалиста скорее можно упрекнуть в увлечении мелочами, чем в склонности к широким обобщениям, надуманным, метафизическим гипотезам. Конкретный, полный живых красок и подлинный факт—слабость архивиста. Археограф никогда не де-

формирует фактов и не искажает документов, если даже перед ним факт колючий или документ едкий, разрушающий какую-либо традицию. Археограф менее, чем кто-либо, склонен „коверкать“ документ в угоду какого-либо скороспелого обобщения. Он эмпирик и более других склонен строго следовать за показаниями документов. Эта черта мышления археографа, без сомнения, является ценным приобретением в опыте исследовательской работы, но взятая сама по себе еще недостаточна для обеспечения научной продуктивности работы археографа. Археограф должен знать или установить все подробности о документе, его отличительные черты (автограф это или копия, официальное отношение или частное письмо и т. п.). Он должен произвести разыскание, и если нужно, длительное изыскание, чтобы установить автора анонимного произведения, подлинный ли это текст, напечатан ли он или нет? В описи одним из первых вопросов, на который должен ответить архивист,—стоит графа: в подлиннике (автограф) или копии сберегся в фонде документ? Археограф интересуется точностью даты до минимума. Ему необходимо знать или установить не только год, но и месяц, и число и даже час. Все это необходимые, полезные и важные изыскания, производимые всегда археографом в расчете на потребности науки.

Отсюда очевидной становится исключительная важность для археографа владеть научным методом.

Один лишь эмпиризм, без теоретического методологического руководства, обречен на жалкую

роль простого описания. Документы сами по себе не устанавливают точки зрения. Из них почерпается материал для научного вывода, но метод обработки их, метод для оценки фактов, содержащихся в документах, надо привносить из науки. Документы дают материал для работы, но, точку зрения на материал дает наука, строящая свою методологию на широкой основе данных всего социального процесса в известный исторический момент. Иначе, в результате увлечения голым эмпиризмом, может получиться, что археограф окажется во власти документа. Не он будет владеть документом, что было бы естественно, а документ будет держать в плену археографа. В прочных и твердых теоретических основаниях кроется залог полезной для науки деятельности археографа¹. Научный метод, вырастающий из всей совокупности фактов социальной действительности, поможет археографу правильно осознать и свою специальную область,—область архивной работы.

Парефразируя слова известного ученого, мы готовы сказать: „методология стала для нас делом научной добросовестности, и мы не желаем выслушивать никого из тех, кто обходится без оправдания ею своих мыслей“.

¹ Подобное наблюдение сделано и в родственной археографии области библиографии. На 1-м Всероссийском Съезде Библиографов указывалось, как очевидная причина несовершенного положения практической библиографии, отсутствие надлежащих, твердых и точных, научных теоретических предпосылок. См. об этом в докладе Я. П. Гребенщикова и Л. Н. Троповского.

Встает естественный вопрос, где же возможно археографу в самой практике работы применять научный метод?

Для научного описания фондов и групп материалов, для предваряющей описание работы по систематизации документов, разборке их на основе структуры фонда, и для воссоздания этой структуры, для уяснения генезиса фонда, необходимо знание научного метода и умение применять его в названных работах. Возьмем сначала описательную работу.

Перед археографом прежде всего встает вопрос о выявлении содержания документа, что представляет собой научную оценку документа. Определение содержания документа возможно лишь при вполне научном подходе археографа к документу. В научном описании важна не только точность в определении внешних признаков документа, но и правильная аннотация его, из которой ученый мог бы видеть содержание документа. В аннотации в двух-трех строках излагается содержание документа, где необходимо отразить прежде всего те подробности, которые ценны для науки в данный момент. Только при этом условии архивист будет помогать ученому. Бесспорно и другое, что сторонники разных пониманий исторического процесса и его явлений, по разному оценят документ. Это общее положение столь ясно и примеры

его проявления в прошлом как в научных исследованиях, так и в архивных описаниях, раскрывающих кратко содержание документов, столь часты, что задерживаться на них нет смысла. Важно учесть следствие, вытекающее из этого положения: архивист, ведущий научно-описательные работы, должен быть „не отсталым“, а идущим в ногу со своим веком, с современной наукой.

Археограф в оценке содержания документа, в квалификации его содержания, невольно отразит и выразит свое научное мировоззрение. Каждый метод смотрит на документ по своему и извлекает из исторического источника те факты, которые отражают его теорию познания действительности. Несомненно, и в работе археографа метод-мировоззрения проступает явственно. Оценка документов, сделанная в прежнее время с точки зрения отжившего уже метода — мировоззрения, теперь никого не удовлетворит. Она кажется не научной, т. е. не точно определяет содержание документа. Такое описание частных документов: „Бумаги (рода) Аристарховых с конца XVIII века по конец XIX века“: „документы хозяйственные, юридические, грамоты, патенты“ (Отчет Росс. Истор. Музея за 1908 г., стр. 28)— для нас не вполне научно. Из этого описания не видно, с каким хозяйственным объектом (помещичьего (крепостного) или иного владения, и какой системы хозяйствования) связаны эти документы. На основании этого описания ученый не может судить: каково социальное положение их владельца: крепостник,—помещик или это купец; какое это имение: средне-поместное или

крупнопоместное. Хозяйственные бумаги помещика говорят о земле, крестьянах, сельском хозяйстве, хозяйственные бумаги купца иные. Не раскрыто понятие и „юридические бумаги“.

Такое описание, сделанное 20 лет тому назад, уже отстало от современной науки. Современная социология дифференцирует все эти явления, а ученый в праве требовать от описания вполне научного подхода к документам, т. е. точного определения социально-классового характера документов, а не просто называть: „бумаги рода“.

Отсюда очевидна надобность для археографа знать историю дворянского землевладения, историю капитализма XIX века, чтобы дифференцировать документы, оставленные разными классами и социальными группами, чтобы уметь раскрыть содержание документа и научно его квалифицировать, поскольку он не может при составлении научного описания ограничиваться обозначением лишь вида документа. Заметим, что вид документа (официальный рапорт, докладная записка, частное письмо) является отчасти характеристикой для официального документа или определением жанровых отличий для историко-литературного: стихотворение, мемуар, дневник и т. п. Но заменять содержание документа ссылкой на „вид“ нельзя. Этот вопрос требует специального обсуждения и мы его пока оставляем в стороне.

Итак в описательной работе открывается широкий простор для проведения научного метода. Но в практике археографии есть и другие области, где применение научного метода тем

более необходимо и полезно ¹. Работы по построению фонда, по воссозданию его первоначального, естественного вида, работы по систематизации входящих в состав фонда документов

¹ Тот же метод поможет современному археографу в изучении других сторон архивного дела. Не вырывая из общей истории социального строя, на фоне которой становится понятной смена и различие характера архивных реформ, современный археограф лучше уяснит себе эту историю попыток построения архивного дела и типичные черты этих реформ, поставив их в связь с социально историческими условиями, вызвавшими появление этих попыток. Известны попытки: 1820 г. (инициатор барон Розенкампф) см. фактическое изложение сведений о реформе 1820 г. в статье А. Н. Макарова— „Проект архивной реформы бар. Г. А. Розенкампфа“ (Исторический Архив, 1919, т. I, 101—142); 1860—70 г.г.— (Н. В. Калачов); 1905—1912 г.г. и 1917—1918 г.г.

Интересно вскрыть социальные причины появления в эти именно годы попыток к реформам, установить и объяснить характерные черты каждой из них. Интересно знать, как мыслил архивную реформу крупный бюрократ, охваченный широкими идеями освободительного движения 20-х годов, и как в 60-х годах под влиянием глубоких общественных изменений Н. В. Калачев представлял себе план переустройства архивного дела.

Обе революции нашего века также выдвигали реформу и по разному разрешили их. Реформа, связанная с первой революцией, оказалась погребенной в делах б. мин. внутренних дел, среди ряда докладных записок и междуведомственных проектов. Даже попытка оживить ее в 1912 г. не сдвинула дела с мертвой точки. Не было стимулов у общественного сознания провести реформу. Спад революционной волны ослабил этот специальный интерес.

Попытку объяснить смену организаций и системы управления архивами в перспективе социально-экономических изменений нашего прошлого, а равно попытку сжато представить процесс развития архивного дела до

много выиграют при строго научной их постановке и организации. Возьмем для примера частные фонды и проследим, как при построении этих фондов в процессе разборки современная социология весьма много поможет археографии. Прежде всего, она помогает археографу научно распознавать типы частных фондов, ставя особенности фондов (состав документов, структуру фонда) в связь с социальным положением фондообразователей, фондособирателей и т. п. Несомненно, что не случайными причинами следует объяснять непохожие друг на друга по своему составу личные фонды помещика, разночинца, и купца. Социально-классовое положение фондообразователя предопределяет состав фонда. В фонде помещика всегда (если только не пропали или не удалены заранее по каким либо соображениям владельцем) найдем документы, рисующие объекты его хозяйственного помещичьего бытия: это земля, крестьяне (если дореформенное хозяйство у помещика) и т. п.

XIX века, имеем теперь в статье И. Л. Маяковского („Архив“ — Большая Советская Энциклопедия т. 3, стр. 543—550, 1926 г.). Прошлого (XIX) столетия автор не касается; попытки XX века реформировать архивное дело также остаются не изученными. И. Л. Маяковский строго разграничивает понятие архивной организации от организации государственного порядка. Но он объясняет смену архивных организаций в зависимости от изменений социально-общественных отношений и государственных реформ до XIX в.

Таким образом, и этот пример подкрепляет ту же основную мысль нашего очерка, что широкая социологическая теория и в данной специальной области помогает более углубленно осознать различные стороны этой области.

Словом, первый и основной пласт документов в архиве помещика будет группа хозяйственно-деловых бумаг (купчие, закладные, реестр, заемные письма, приказы, распоряжения по хозяйству и т. п.). Этот „грунт“ документов будет в фонде каждой помещичьей усадьбы. В зависимости от исторических условий жизни помещичьего хозяйства ¹ он будет изменяться в характере,—в основном же—он является типичной особенностью фондов таких владельцев, как помещики. Но этой разновидности документов не найдется уже в фонде купца или капиталиста промышленника.

¹ Крупные имения жили системой оброка, и крупнопоместная знать жила свободно, без ущерба для своих доходов в городе, вдали от усадеб. Наоборот, имения средней величины вели преимущественно барщинное хозяйство, требовавшее близости владельца и часто из-за недостаточности доходов лишавшее его столичной жизни и обрекавшее на жизнь в поместье. На эти экономические и вытекавшие из них различия в жизни и в характере этих дворянских групп неоднократно указывает М. Н. Покровский в своей книге „Русская история с древнейших времен“, том 4. Те же экономические и бытовые условия, различные у разных групп, оказывали соответствующее влияние на характер архивных фондов, скапливаемых представителями крупнопоместной или средне-поместной группы, на состав этих фондов и особенности документации, входившей в тот или иной фонд разных в социальном и культурном смысле групп. Изучений фондов в этом отношении до сих пор не было в буквальном смысле слова,—однако, это очередная задача нашей археографии. Разумеется, сказанное выше слишком обще, схематично. Это схематическое изображение структуры частных фондов неполно; необходимо вскрыть динамику процесса—показать развитие и изменения в жизни фондов за все время существования социальных фондообразователей.

В зависимости от того, будет ли помещик писателем, или чиновником, или общественным деятелем, у него в фонде найдены будут документы, отражающие эту сторону его бытия и деятельности. Здесь фонд помещика может совпасть в своей документации с документацией фондов представителей других социальных групп. Так, в фонде писателя помещика могут быть также документы, явившиеся в результате его художественного творчества, как и в фонде писателя-разночинца. Чиновник-помещик скопит также официальные бумаги, связанные с работой его в учреждении, как и чиновник-разночинец. Но это будут уже детали, несколько не противоречащие основному, что фонд частного лица есть отражение его деятельности и социального бытия ¹.

Теория распознавания типа частных фондов, его состава и особенностей документов частных фондов в зависимости от социально-классового положения фондообразователя, предопределяет и приемы классификации документов, приемы распределения их на основные группы. Несомненно, для археографа, сторонника этого метода объяснения исторических явлений, на первом месте в фонде помещика следует поставить

¹ Нельзя указать ни одной работы, уясняющей историю частного фонда (вообще) или, в частности, того или иного вида. Нам кажется, очень важно не только для археографии, но и для науки вообще иметь такую историю частных фондов. Это очередная задача нашего времени. Если архив помещика все же кое-как известен, то архивный фонд русского купца и разночинца совершенно неведомы.

группу документов, рисующих его экономическое положение, затем—его быт и социально-общественные отношения, наконец—семейно-личные дела и отношения. Соответственно этому методу анализа действительности, он проведет деление документов на группы и в фонде купца и в фонде разночинца.

На этом примере мы наглядно видим, как увязываются и подчинены научному методу приемы работы археографа.

Подобное можно было бы показать и на анализе структуры фондов государственных учреждений.

Социальная действительность, созданная известным строем производственных отношений, в процессе общественной жизни и для ее организации создает известные учреждения, придавая им соответствующие функции. Работа учреждений порождает делопроизводственные отложения (архивы), отражающие совокупностью своих формальных и внутренних особенностей типичные черты учреждения, его деятельность и структуру, обусловленные социально-общественным строем, возникшим на почве тех или иных производственных отношений. Если для частных фондов социальный генезис должен идти через познание социального бытия фондообразователя, то для фондов государственных учреждений—через познание социальной жизни учреждений.

Сочетание научного подхода с практикой в работе археографа в высшей степени выгодно и для археографа и для науки. Наука получает при такой увязке в результате археографического труда то, что наиболее отвечает ее очередным задачам, направлению ее изучений. Для архео-

графии, с другой стороны, такое положение есть наиболее правильное соотношение как подсобной дисциплины к своей науке.

13

Но археография имеет свои собственные задачи. Углубляя методику работы над документом в связи с ростом науки, заимствуя у науки метод и понимание исторического процесса в целом, археография живет еще своим собственным миром. Связь археографии с исторической наукой многосложна; связь ее с формой организации архивного дела—непосредственная, органическая. Мы обрисовали общие типичные черты современной археографии и достаточно иллюстрировали тесную связь ее теории с практикой архивной и современной наукой.

Кратко наметим конкретный круг вопросов, составляющих, собственно, предмет теории археографии.

Прием архивных материалов, разборка, систематизация, размещение, хранение и описание материалов—практика археографии. Но археографическая практика направляется известными принципами, общими теоретическими нормами (специального и общего характера). Эти нормы вырабатывает теория археографии.

Археография систематизирует опыт живой работы и, на основе реальных наблюдений, исходя из конкретного представления о характере и особенностях подлежащего обработке материала, она создает правила и приемы его хранения, размещения и т. п. Археография не

только наблюдает и следит, как возникают в практике те или иные приемы, помогающие работе, но она и теоретизирует, поскольку это вызывается потребностями опыта, и поскольку это необходимо, чтобы практическая работа шла навстречу задачам современной научной мысли. Быть всегда готовой на ответ назревшей потребности в науке есть прямая задача прикладной дисциплины; работать в ответ на назревший запрос со стороны своего опыта другая задача той же дисциплины.

В таком аспекте понятны попытки археографа ввести новые виды научных обозрений архивных фондов, и в то же время взять на себя научное руководство и организацию архивной части делопроизводств в действующих учреждениях, каковая с течением времени перейдет в состав ЕГАФ, и многое другое, что делает археография, как практическая дисциплина, ведающая оформлением и организацией архивной действительности в узком смысле слова (т. е. архивных материалов). Здесь наблюдаем взаимодействие практики и теории: практика обогащает теорию, но теория, рождаясь из опыта, усовершенствует продолжение опыта, своими достижениями помогает улучшить качество работы.

Археография и должна, беря у исторической науки метод познания действительности, осмысливать объект своей работы, его жизнь и особенности. Ее задача раскрыть социальный генезис фондов учреждений в зависимости от социально-исторических условий, определивших организацию и функции учреждений— и генезис частного фонда в зависимости

от социально-классового положения и деятельности фондообразователя, обусловивших его общественные, семейные связи и творчество (если это—писатель). Исходя из социологических предпосылок, она должна определить разновидности документации, входящей в тот или иной фонд, т. е. характерные (формальные) особенности внешнего выражения документа, она должна объяснить их и поставить в связь с социально общественным положением фондообразователя и общественными функциями учреждения, оставившего фонд за известный период. Она должна устанавливать подлинность документа, методы и приемы ее разрешения. Идя от метода, определив объект и установив свою точку зрения на объект, археография изучает документ, как таковой, и внешние стороны его выражения, она вырабатывает понятия для своих изучений и терминологию. Все это, имеет определенный практический смысл; установление структуры частного фонда, понимаемой как явление, обусловленное социально-экономическими причинами, помогает улучшить практику описания,—единство терминологии необходимо для тех же целей, поскольку централизация требует единства всей текущей жизни ЕГАФ и т. д.

Итак, археограф описывает документ, раскрывает внешние признаки документа, ибо изучение содержания документа—дело исследователя. Археограф изучает документ, как таковой, а не как источник и средство для познания исторических явлений, что делает исследователь, используя содержание документа (по преимуществу). Но это вовсе не значит, что архео-

граф может игнорировать содержание документа. Напротив, выше мы показали, что археограф должен научно аннотировать содержание, вводить в свое описание краткое изложение его, не подвергая, однако, текст критике, не вскрывая его исторической точности и социальной обусловленности, как делает это исследователь. Археограф должен непременно пользоваться показаниями содержания, чтобы лучше познать документ и фонд, как отражения социального бытия и общественной деятельности классов и групп, создавших документальные фонды.

Нельзя верно оценить явление, если оно не познано со всех сторон. В каждом документе совмещены содержание и форма. Внешние особенности документа обусловлены и связаны с содержанием. Это—стороны одного явления. Но в целях специального изучения археограф вправе сосредоточиться на одном, ограничить свое изучение специально одной стороной. Но он должен принимать во внимание показания содержания документа, поскольку оно неотделимо в конкретном документе от формы и поскольку содержание предопределяет форму. Различая в целях методологического изучения археографа от исследования, мы не забываем, что в документах имеем дело с явлениями сложными, где эти стороны социально и взаимно обусловлены и дополняют друг друга. Поэтому, только принимая во внимание содержание документа, археограф может научно вести свою работу, прямое назначение которой—констатирование (описа-

ние) особенностей документа (подлинность, дата, принадлежность к известному фонду, отделу и т. д.); краткое резюме содержания, и изучение документа, как такового, как своеобразное отражение бытия.

Содержание документа, наиболее полно выражающее социальную жизнь, поможет археографу научно воссоздать историческую жизнь фондов государственных учреждений, их структуру, состав и особенности документов в связи с историей последних, научно изучить жизнь частных фондов в связи с жизнью и бытом представителей дворянства и буржуазии, оставивших фонды.

Дело науки изучать историю учреждений и социальный быт классов и групп и рассматривать документ, как источник для познания того и другого, как средство для изучения этих исторических явлений. Для археографа самый фонд, самый документ—историческое явление и объект изучения. Описывая фонды, археограф (а не кто либо иной) должен исследовательски изучать происхождение и жизнь фондов. Исследовательски, т. е. пользуясь научным методом, выработанным социологией для познания исторических явлений вообще, археограф должен изучать фонды и составляющие их документы как исторические явления.

Археограф должен изучать фонды и составляющие их документы для познания того социального бытия, общественной жизни и деятельности классов и групп, создавших фонды, изучать в специальном направлении историческое развитие и генезис фондов и документов,

беря во всей их полноте и приспособляя это изучение для целей современной практики, для предстоящей работы над фондами.

Изучение социального генезиса и структуры фондов государственных учреждений и частных лиц в зависимости от тех общественных отношений, которые обусловили и создали фонды, разумеется должно охватить все стороны фонда (состав документации, разновидности ее, взаимоотношения, изменения в характере документов в зависимости от изменений в социальном положении и деятельности фондообразователей т. е. учреждения или частного лица). Разумеется, детальное исследование должно выяснить в подробностях методику такого изучения, пристальное и специальное исследование должно обстоятельно уяснить влияние и характер влияния на архивные фонды, как основных экономических причин, так и второстепенных факторов (особенно — политики — в отношении фондов общественно - политического, актуального значения в прошлом).

Археография строго отграничивает свою работу от задач научного исследования и от некоторых смежных с нею дисциплин прикладного характера, как библиография, музееведение. Современная археография, проводя строгую грань между научным и археографическим подходом к документу, следит за тем, чтобы задачи одного изучения не переплетались с другими. Разделяя фонд от учреждения, отложившего его, или от фондообразователя-лица, археография берет на себя задачу обследования судьбы фонда, но не как самодовлеющего факта, а как полезного во

многих отношениях для научно-общественных целей изучения ¹.

В своих изучениях археограф должен отчетливо сознавать свою точку зрения на объект. Для него фонд и документ суть непосредственные объекты изучения. Для археографии предстоит задача изучить рукопись и ее особенности со стороны их внешнего выражения, учитывая всякий раз, вытекающие отсюда последствия в отношении подлинности рукописи, степени ее авторитетности, гарантирующей подлинность текста, установить принципы классификации (по авторству, все равно будет ли то учреждение или лицо, почерку, бумаге) рукописного материала, установить „законность“ той или иной номенклатуры, и выработать самую терминологию для практического употребления. Эти задачи специфичны и всецело являются делом археографии, но не науки и не какой либо другой вспомогательной дисциплины: ни библиографии, ни музееведения. В работе над внешней стороной рукописи археография естественно соприкасается с палеографией, изучающей специально почерк, бумагу, водяные знаки и т. п. Но без сомнения, ясно, что палеография, занятая изучением названной стороны рукописей, может быть полезна археологии, как и многим другим дисциплинам, но она заменять или брать на себя задач археографии в целом не может и не должна. Отрасль палеографии уже и еще более

¹ Подробнее см. в нашей статье „Приемы изучения частных фондов“ в ж. „Архивное Дело“, 1928, вып. 1 (14), 24—38; отд. оттиск 1928, стр. 6—17.

специфична, чем область изучений археографии. Но археограф должен для точности указанных изучений прибегать к помощи палеографии для установления почерка или определения признаков бумаги, времени написания документа и т. п., помня о том, что описанные выше изучения документации его дело.

Археограф, зная социальные причины, обусловившие деятельность учреждений и представителей классов, создавших фонды, должен развернуть конкретную картину жизни фондов, показать и объяснить зависимость от бытия всех особенностей в документации, форме построения фондов, убранстве документов, приданных фондообразователем или фондохранителем (лицом или учреждением) до „вмешательства“ в жизнь фонда архивиста или исследователя; показать закономерность этой зависимости и представить документальные выражения этой зависимости фонда от бытия, определившего психику общественного человека—творца частных фондов и обусловившего социальную историю учреждений—строителей учрежденческих фондов.

Итак, показать историческую закономерность в жизни фондов и объяснить эту закономерность—вот в основном задача археографа. В настоящее время имеем обстоятельные описания фондов государственных учреждений и частных лиц, но нет совсем социологических изучений истории фондов. Нет также хотя бы описательного характера обследований исторической судьбы отдельных документов (напр. истории послужного списка и т. п.). Понятно, и эти историко-археографические изучения должны вестись

в социологическом плане в связи с общеисторическим движением, в связи с историей учреждений, и жизнью оставивших эти документы лиц, как представителей известных социальных групп и классов (дворянства, буржуазии т. д.).

Нам могут возразить, что и прежние описания и описыватели, когда „не мудрствуя лукаво“ производили подробное описание фонда, то также давали в итоге изображение всех особенностей фонда. Это верно, но это далеко не все. Для архивиста, признающего лишь принцип „самодовлеющего“ хранения и описания фондов, особенности в строении фонда, особенности входящей в его состав документации имеют иной смысл, чем для того археографа, какой мыслится нами. Для первого особенности фонда и его документации лишь отличительный признак, средство классификации и только. Второй видит в каждой частности фонда и в целом его составе результат социально-экономических отношений, — он стремится понять социально-историческую обусловленность своего объекта, чтобы лучше уяснить связь и зависимость документов от бытия в пределах фонда и в пределах исторического развития целой группы документов. Первый тип архивистов стоит за преобладание описательного элемента в своей работе и против всякого осмысливания архивных фондов. Он стоит только за то, чтобы только описывать и хранить. Он приверженец мнения постоянства типов фондов, или в лучшем случае их „случайного“ различия. Но в науке нет ничего случайного, — случайно то, что мы еще не можем объяснить, — и в жизни постоянных форм нет. Типы фондов различны

в зависимости от различия социальных причин, породивших фонды. В жизни архивных фондов, отражающих жизнь исторически существовавших, действовавших и ушедших со сцены жизни учреждений или людей, без сомнения имеем отражение жизненного процесса и сил, вызвавших в фондах перемены всякого рода, обусловленные теми же социальными причинами, что и в социальной жизни в целом. Правда, это отражение социального бытия в архивных фондах и их особенностях—есть отражение особого порядка; но тем, не менее законы познания социальной жизни фондов те же, что и для познания исторического процесса вообще.

Археографии только приходится применять эти законы к специальному материалу и к специальному виду социальной продукции. Познание такого особого социального материала, как архивные фонды, являющегося все же разнообразием культуры прошлого вообще, познание его при помощи вполне научных методов изучения социальных явлений вообще, выработанных современной наукой, и составляет неотъемлемую задачу современного археографа - социолога. Фонд—сгусток социальной жизни прошлого, познать эту жизнь через этот сгусток, своеобразно отражающий то бытие, которое создало его, — задача археографа. Чтобы научно изучить фонд, понять генезис и характер фонда, нужно знать, какая объективная действительность создала его. Задача археографа наших дней и заключается в том, чтобы, зная то объективное бытие, которое отложило фонд и определило его структуру, особенности документации фонда, внешнего вы-

ражения их и т. д., раскрыть эту обусловленность фонда от бытия и показать зависимость особенностей архивного фонда от особенностей социального бытия. Для этого надо быть архивистом-социологом, а не только „описывателем“.

14

Первая задача всякого исторического исследования — установление фактов, содержащихся в документах, и степени их достоверности, а также уяснение точки зрения автора документа на факты, осмысливавшего их согласно своему социальному положению в историческом процессе. Но до установления подлинности фактов или параллельно с этим процессом, но не позднее, должно идти установление подлинности самого документа. И архивист должен брать решение этой проблемы на себя; ведь он раньше ученого сталкивается с документом,—и установить подлинность документа необходимо прежде, чем ввести его в научный оборот. Подложный заведомо документ не должен войти в такой оборот. Подлинность акта, документа определяет археография, подлинность показаний акта, документа—наука.

Уяснение археографией особенностей своего объекта и специальных целей своей работы и своих изучений отнюдь не излишне.

Самое существенное в этих изучениях—проблема социального генезиса фонда. Раскрытие генезиса освещает многие стороны фонда (структуру, целостность фонда) и помогает вести его обработку (систематизацию документов и описание). Разумеется, повторяем, эти археографиче-

ские изучения отнюдь не самодовлеющи. Они должны производиться, поскольку нужны для исторического изучения прошлого, т.-е. социального бытия и общественной деятельности, производивших фонды,—и для улучшения современной практики. Такие изучения не основная магистраль исторических исследований; они не самостоятельны, а подсобны для науки. История фонда учреждения—не более как подспорье при изучении деятельности учреждения. История фонда Пушкина—не более, как подспорье и руководитель при изучении творчества писателя на основании текста его произведений. История и история литературы не должны занимать обследование судьбы фондов учреждений и историей писательских архивов, но им необходимо пользоваться архивами для своих изучений, и потому необходимо знать состав фондов, историю их создания, изменения и перемены, пережитые архивными фондами ¹.

Археографу должно быть ясно, что задача ученого шире его задач, ибо задача исследователя не только в том, чтобы оперировать над свежим материалом, а в том, чтобы пользуясь научным методом оценить материал, преподнесенный археографом, и конструировать из данного материала историю,—т. е. устанавливать закономерность явлений и построить целостную картину закономерно развивающегося исторического процесса.

Но археограф, изучая документ, сам по себе, как непосредственный объект, должен быть на

¹ Подр. см. в нашей статье, „Архив А. С. Пушкина“—„Архивное Дело“, 1927, вып. XIII, стр. 94—98.

высоте современного научного сознания и, пользуясь научным методом, должен уметь применять его в работе: к осознанию особенностей своего объекта, руководствоваться им при разрешении вопросов своей практики, словом, должен уметь сочетать приемы своей работы с методом науки, подчинить их научному мировоззрению, должен уметь применять в своей практике положения, добытые исторической наукой.

Вопросы генезиса фондов, особенностей входящих в состав фондов документов, реконструкция фонда (построение фонда и распределение и систематизация в нем материалов), характеристика материала (аннотация) при описании с соблюдением социальной дифференции документов в свете положений современной социологии,— вот основной круг проблем теории археографии. Словом, свой опыт современный археограф осмысливает теоретически, изыскивает методологические пути для разрешения проблем, встающих в практике самой работы, пользуясь для этого методом науки.

Итак, теорию археографии мы мыслим как теорию архивной практики, связанную в своем развитии с формой организации архивного дела вообще и с успехами в развитии исторической науки. Археография для последней есть вспомогательная дисциплина, производящая свои работы в расчете на нужды науки и пользующаяся для своих нужд научным методом. Но, будучи служебной дисциплиной, археография, повторяем, имеет свою специальную область—изучение документа как такового и ведет дело познания

своего объекта не близоруко, ошупью, а методологически осмысленно. Таковы основные положения, общие основы, из которых следует исходить при изложении теории современной археологии. Разумеется, теория нужна в помощь организации на вполне научных основах всех видов практической работы над материалами. Понимание структуры фондов, обусловленной социально - историческими условиями жизни фонда, правильное осмысление разновидностей документации во многом облегчит работу архивиста, когда ему будет предстоять задача „реконструкции“, воссоздания разрозненного фонда с целью его описания.

Тем более это важно, когда предполагается дать научное описание фонда, требующее точного распределения документации в надлежащем строго органическом (хронологическом и логическом или предметном) порядке.

Теория археологии, вырабатывающая методику познания архивных фондов, явится тем базисом, на котором будет прочно и научно построена повседневная работа архивов. При такой увязке архивная работа над материалами будет прямым подспорьем и для науки и для общественности.

Еще несколько слов по поводу соотношения археологии и другой служебной дисциплины: источниковедения. В живой работе исследователя часто наблюдается, что все первичные виды работ над документом (разыскание документа,

описание и т. д.), от которых отправляется исследование, сливаются с самым исследованием, т. е. с сложным вполне научным анализом документа, как источника. Словом, все эти работы часто образуют единый процесс и выполняются одним лицом, совмещающим в себе ученого исследователя и археографа, разыскивающего и описывающего свежий неиспользованный материал. Но в целях научного разделения сфер науки от археографии, необходимо различать операции археографа от работы исследователя, из которых одна является служебной подготовительной, вторая—основной. Первая prepares документ для науки, препарирует его; вторая занята научным анализом документального источника. Первая имеет целью ввести документ в научный оборот, вторая ставит задачей на основе изучения документальных источников изучать законы жизни общественных явлений.

Между этими двумя областями лежит еще одна область изучений, также связанная с документом. Чтобы документ стал источником для науки, годным для изучения, его необходимо подвергнуть критике, научной экспертизе.

Задачу превращения документа в бесспорный или сомнительный для науки источник, словом задачу оценки документа со стороны подлинности и достоверности содержания, показаний документа, берет на себя особый отдел, который мы назвали бы источниковедением. Не раскрывая в подробностях содержания этого отдела, скажем, что в его компетенцию наряду с критикой текста, научной экспертизой источника, также входят и работы по изданию источников.

Этот отдел еще теснее связан с исторической наукой и методы своих работ над источником он непосредственно заимствует из методологии науки. Но и этот отдел также является служебным. Археография изучает документ, как таковой; она выявляет и описывает документ. Источниковедение возводит документ в источник для научных построений. Задача науки в том, чтобы конструировать из поданного археографией и проверенного источниковедением материала историю, понять закономерность исторического процесса. Археография и источниковедение лишь готовят материал для науки, для исследователя, который ставит себе задачу в целостном синтезе на основе фактов, почерпнутых из документальных источников, охватить исторический процесс, уяснив законы жизни, движущие силы процесса.

Этот краткий очерк есть не более, как попытка показать, как возможно построение теории археографии, применяя метод исторического материализма к познанию архивной действительности,—и определить значение этой теории в деле практического руководства архивной работой, в целях улучшения качественной стороны последней. Конкретное раскрытие поставленных здесь вопросов составляет содержание другой большой нашей работы о теории археографии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТР.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Современное положение археографии . . . . . 5—7
2. Традиционные взгляды на археографию . . . . . 7—9
3. Определение понятия „современная археография“ . . . . . 9—13
4. Критика взглядов Д. Я. Самоквасова . . . . . 13—19
5. Теория и практика современной археографии . 19—20

ГЛАВА ВТОРАЯ

6. Типичные черты современной археографии: влияние централизации . . . . . 21—27
7. Объект современной археографии . . . . . 27—29
8. Концентрация фондов, единая картотека и принципы учета фондов и единство терминологии . . . . . 29—36
9. Виды описательных работ . . . . . 36—41

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

10. Археография и историческая наука . . . . . 42—45
11. Археография и научный метод . . . . . 45—49
12. Применение научного метода в археографии . 50—58
13. Проблемы современной археографии . . . . . 58—68
14. Значение археографии как подсобной дисциплины . . . . . 68—71
15. Археография и источниковедение . . . . . 71—73

